

И.Л. МУЛЬ

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 398.2+81.161.42
ББК Ш23(2)-418

ТЕХНИКИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОЙ СКОРОГОВОРКЕ, ИЛИ НОВЫЙ НАРЯД СТАРОЙ ЗНАКОМОЙ

Аннотация: В статье анализируются игровые параметры современной скороговорки в аспекте её сопоставления с традиционной скороговоркой; имитативный принцип языковой игры признаётся ведущим при моделировании современных скороговорочных текстов.

Ключевые слова: механизмы языковой игры, медиадискурс, имитативный принцип языковой игры.

Лингвокреативная природа традиционной скороговорки не раз оказывалась в фокусе нашего исследовательского интереса, результатом чего стало понимание скороговорки как игрового фольклорного жанра, имеющего гедонистическую и трениговую функции и представляющего собой сконструированный лингвистический объект, форма которого нестандартна с точки зрения стереотипных требований нормативности. Привлечение внимания играющего к занимательной (необычной) и труднопроизносимой форме речи, какой является традиционный скороговорочный текст, осуществляется, по сути, двумя путями: действием *морфо-деривационных* механизмов языковой игры (далее – ЯИ) и активизацией речетворческих механизмов, использующих *фонетический* потенциал языкового знака [Муль 2000].

Различные приёмы морфо-деривационной игры в традиционных скороговорках направлены на сближение в лаконичном пространстве комплексов однокоренных узуальных и/или неузуальных производных (ср.: *Проросли ростки, повыросли, ростом ростки расхвастались // Всех скороговорок не перескороговоришь, не перевыскороговоришь // Полпуховика и полполувыпуховика, цельный пуховик и полполувыпуховик и т.п.*). При этом актуализируются различные стороны словообразовательного механизма языковой системы. Неузуальные дериваты, будучи подчёркнуто игровыми, нестандартными, являются доминантами скороговорочного текста и выступают «приметами» народной смеховой культуры, «смехового мира», который должен быть странным, нелепым, подчёркнуто выдуманым, чтобы оставаться смешным [Лихачёв 1987].

Фонетические приёмы ЯИ, направленные на конструирование труднопроизносимого формального хода скороговорки, обнаруживают

тенденцию насыщения лаконичного текста минимально различающимися в фонетическом плане лексическими единицами. Скороговорка может строиться на метаграммной игре (ср.: *Во двор вела вола, за рога вола вела, в хлев вела вола, а вол в огород меня завёл // У зайки Бубы заболели зубы // Колотил Клим клин и т.п.), на игре анаграммными единицами (ср.: *Купи киту ник // Вкусная халва – мастеру хвала и т.п.*). Наиболее распространенным приемом фонетической игры в скороговорке является намеренное сближение паронимов (ср.: *Променяла Парасковья карася на три пары чернобурых поросят, побежали поросята по росе, простудились поросята, да не все // Не диковина полубрату сказать про Поликарпа и т.п.*).*

Взаимодействие (субдоминантность) отмеченных механизмов ЯИ, а также актуализация дополнительных приемов продуцирования игрового эффекта скороговорки (к ним относим прямой повтор лексем, игровые ложноэтимологические сближения, приемы утрированной звукописи и т.д.) приводят к созданию лингвистически нестандартного объекта – скороговорочного текста, реализующего канонические жанровые установки и эксплицирующего стереотипное ситуативное содержание (ср., например, традиционные скороговорочные тексты, в которых речетворческие приемы «поддерживают» друг друга, рождая игровую структуру: *Свинья тупорыла весь двор перерыла, вырыла полрыла, до норы не дорыла // Горкой, горкой, горочкой шел маленький Егорочка, протоптал Егорочка тропочку до горочки // Враль клал в ларь, а Вралья брала из ларя и т.п.*) [Муль 2000].

Предпринятое в данной статье обращение к скороговорке «сегодняшней» отнюдь не случайно: фольклорный жанр, тяготеющий (в отличие, например, от динамичной и эмоциональной частушки) к «закостенению» и стабильности, эволюционирует на наших глазах, переживает второе рождение, обретая новые выразительные черты и меняя функционально-прагматические ориентиры. Пространством скороговорочного креатива стали средства масс-медиа, которые в наше время, по меткому выражению В.В. Химика, «составляют главную речевую сферу обитания многих носителей языка» [Химик 2000: 249]. Очевидно, что лидерство в этой сфере принадлежит сети Интернет, пользователи которой, отдавая предпочтение общению в виртуальном коммуникативном пространстве, реализуют свой речетворческий потенциал. Благодаря их стараниям, «фонд» скороговорочных текстов стремительно пополняется, в результате чего на соответствующих сайтах появляются рубрики – классификаторы: скороговорки для взрослых, скороговорки для детей, скороговорки для развития дикции, скороговорки короткие и простые, скороговорки сложные и длинные, скороговорки

смешные и прикольные, видео-скороговорки, скороговорки с картинками и т.д.

Представляется важным заметить, что еще лет десять-пятнадцать назад мысль об «искусственности» традиционной скороговорки могла вызывать полемику, тогда как сегодня смоделированный характер скороговорочных «конструктов» типа *Кто не работает, тот не ест то, что ест тот, кто работает* или *Терминатору термометр не требуется – у терминатора температура субфебрильная* не может вызывать сомнений. На главных страницах сайтов размещаются инструкции (алгоритмы), четкое следование которым может помочь пользователю стать автором «самого трудного и смешного» скороговорочного текста. Кроме того, творческая инициатива авторов стимулируется конкурсами, выявляющими самого креативного создателя скороговорки.

Популярность жанра возрастает и благодаря тому, что в искусстве безошибочного произнесения скороговорок (обязательно смешных и подчеркнута парадоксальных) состязаются известные в нашей стране личности: журналисты, шоумены, поп-исполнители (достаточно вспомнить видеоролики с участием телеведущих, которые поражают артикуляционным мастерством, произнося известный скороговорочный «макротекст» под названием «Лигурия»).

Примечательно, что в ситуации игры с современной скороговоркой в равной степени значительными и состязательными оказываются две коммуникативные стратегии: речетворческое поведение автора, стремящегося создать самый затейливый, смешной и труднопроизносимый (а в идеале – «непроизносимый») скороговорочный комплекс, и попытки произносящего скороговорочную фразу безошибочно преодолеть все артикуляционные «ловушки», мастерски подстроенные создателем скороговорки.

Не вызывает сомнений, что притягательная сила скороговорки как жанра, ориентированного на деятельностное отношение к нему со стороны играющего, объясняется не только обязательным «смеховым» сопровождением попыток произнести скороговорку, но и занимательностью (нетривиальностью) её лингвистического кода, являющегося продуктом творческого мышления игрока – автора.

Далее выскажем некоторые соображения, касающиеся нашего понимания лингвокреативной природы современной скороговорки, не претендуя на исчерпывающее описание её функционирования в медиадискурсе.

Даже поверхностный взгляд на современные контексты типа *От топота копыт сосед в соседней комнате не спит* (ср. также: *Модератор модерировал, модерировал, да не вымодерировал // Ухитрился*

проспать возможность переспать // Дима Билан Дана Балана баловал бананом – болван // Самый бесперспективный бесперспективняк из всех бесперспективных бесперспективняков // Муж мужественно жмурится возле рожаящей роженицы и т.д.) позволяет заметить, что ведущим принципом моделирования игрового текстового поля современной скороговорки является имитативный принцип языковой игры. Имитация как конструктивный принцип ЯИ предполагает отталкивание от конкретного образца, окказиональную реализацию какой-либо языковой модели, стереотипной языковой схемы [Гридина 2008: 40]. Действие данного принципа ЯИ при конструировании текста современной скороговорки проявляется, по-видимому, в том, что за её подчеркнута игровой языковой формой «высвечивается», распознается прототипическая основа, образец. Таким образом – прототипом, как правило, служит:

а) текст конкретной традиционной скороговорки, выступающий как структурно-семантическая модель, стереотипная схема, игровым образом трансформированная;

б) традиционный для моделирования труднопроизносимого звуко-ряда скороговорки игровой инструментарий, как-то: окказиональные дериваты, тавтологически сближенные труднопроизносимые лексические единицы, параномастические комплексы, инверсированные конструкции и т.д.

Примерами современных скороговорок, сконструированных по первому типу, могут служить следующие тексты: *Переписчики переписывали, переписывали, да не выпереписали // Программисты программировали, программировали, да не выпрограммировали // Тридцать три депутата закон лоббировали, лоббировали, да не вылоббировали // Эксгуматор труп эксгумировал, эксгумировал, да так и не выэксгумировал и т.п.* Эти и подобные им контексты содержат аллюзивную отсылку к прецеденту (ср.: *Корабли лавировали, лавировали, да не вылавирировали // Самолет пикировал, пикировал, да не выпикировал*), и комический эффект их восприятия усиливается за счет узнавания прототипа и осознания парадоксальности «осовремененного» содержания имитируемой формы. Представленные контексты организуются традиционным для жанра скороговорки приемом тавтологического «нанизывания» однокоренных лексем и акцентуацией глагольного деривата с префиксом вы-. Выступая символами продолжительного, но безрезультатного действия, скороговорки содержат его экспрессивно-ироническую оценку.

Развитие сюжетных линий традиционных скороговорок и их формально-семантическое преобразование наблюдается в контекстах типа

Карл у Клары украл «Ленд Крузер», а Клара у Карла украла «Крайслер» // Карл у Клары украл доллары, а Клара у Карла – кварталный отчет // На дворе дрова, на дровах братва, у братвы трава, вся братва в дрова // Рассердившаяся вдова убирала со двора дрова // Варя варила ревеня и ревелы, что Валера не верен // Высиие эшелоны подшофе шествовали к подшефным по шоссе и т.д. Традиционная скороговорка в таких случаях выступает как лингвокультурный прецедент, событийная основа которого «приспосабливается» к реалиям нового времени и подвергается оценочной (смеховой, шутливо-иронической) интерпретации.

Другой тип современных скороговорок представлен текстами, у которых отсутствует какой-либо определенный образец, но тем не менее приемы создания игровой формы текста оказываются типичными для жанра скороговорки. Так, насыщение («перегруженность») текстового поля однородными словами, находящимися на разных ступенях производности, наблюдается в скороговорках типа *Бессмысленно осмысливать смысл неосмысленными мыслями // Флюорографист флюорографировал флюорографистку // Прирабатываясь к работе, работник нарабатывает наработки, заработок зарабатывает от работы, а приработок – от переработки // Шедеврзация шедевра шедеврует шедевратора и т.д.* За парадоксальной вычурностью подобных контекстов нередко прослеживается стремление автора скороговорки к афористичности.

Инверсированное построение контекста и тавтологичность, как уже отмечалось, являются типичными приемами ЯИ в традиционных и новых скороговорках (ср., например: *У ежа в гостях ужата, у ужа в гостях ежата...* и *У прокурора на вора компромат, а у вора компромат на прокурора // Не тот, товарищи, товарищу товарищ, кто при товарищах товарищу товарищ, а тот, товарищи, товарищу товарищ, кто без товарищей товарищу товарищ // У того, кто не банкрот, полон банкомат банкнот, у того же, кто банкрот, в банкомате нет банкнот и т.д.*

По нашим наблюдениям, игровая многоплановость, взаимодействие нескольких приемов ЯИ является характерной чертой всех скороговорочных конструктов. В то же время нельзя не заметить, что главным действующим персонажем современной скороговорки является человек в его разных социальных ролях (профессионально-служебной, семейной, творческой и т.д.). Наиболее яркими в этом смысле являются тексты, обыгрывающие ситуацию (нередко – скандальную), в центре которой публичная персона, например: *Ради любимого Радимова нарядилась Буланова в коня буланого // Снял Филипп клип, с клипом Филипп влип // Дайте Киркорову кирку корки откалывать // Свято-*

слав Ещенко пародировал Льва Леценко, не вышел Леценко у Ещенко, теперь в «Анилагае» трецинка // Загрызли гризли Грызлова // У Брежнева брови выбрили // Рамазотти заработал на «Мазерати», а Глызин гречкой грезит и т.д. Ключевым звеном многоуровневого игрового контекста становится в подобных текстах антропоним, в «поле тяготения» которого попадают созвучные лексемы, что приводит к шутливой ложной этимологизации имени собственного и критическому осмыслению эксплицированной ситуации.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что ЯИ в современной скороговорке имеет аллюзивно-имитативный характер, и это, на наш взгляд, может служить проявлением «памяти жанра» традиционной культуры в новых условиях коммуникации [Гридина 2014: 375]. Антропоцентрически и аксиологически ориентированная современная скороговорка становится продуктом творческой рефлексии автора, удовлетворяя потребностям экспрессивного словесного самовыражения, что дает возможность лингвистам по достоинству оценить творческие возможности носителя живой русской речи.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография. – Екатеринбург, 2008.

Гридина Т.А. Трансформация игровых жанров традиционной культуры в современном медиадискурсе: приколы «Русского радио» // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы. – М.: 2014. – С. 374-375.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Языковая игра в русских народных приметах // Политическая лингвистика. 2002. № 8. – С. 97.

Лихачёв Д.С. Смех в Древней Руси // Избранные работы: В 2 т. – Т.2. – Л.: 1987. – С. 343-417.

Муль И.Л. Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах (на материале скороговорки и частушки). – Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000.

Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

ИСТОЧНИКИ

<http://www.skorogovor.ru/>

<http://umopit.ru/jokes/tonguetwist.htm>

<http://skazanul.ru/>

<http://nologic.ru/category/adult>

© Муль И.Л., 2014